

Зао аюбуи кралоиу мура



Бастиан Цах — *Моему отцу*

Маттиас Бауэр — *Моим родным:
Мони и Хане*



ПРОЛОГ

In occulto vivunt.

Чернила впитались в пергамент, и точка в конце предложения стала расползаться. Пишущий спешно промокнул излишки куском материи, после чего откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Они живут в уединении.

Несколько свечей едва освещали убогую комнату, в которой сидел старый летописец. Лишь тревожные тени в непрерывном танце скользили по грубо оштукатуренным стенам.

— *Gratia*¹. Можешь идти.

Сгорбленная фигура напротив летописца поднялась, закуталась в грубую рясу и спешно удалилась из комнаты. Тяжелая дощатая дверь закрылась на замок.

Погруженный в раздумья, летописец отпил красного вина из бокала и устался в полумрак. Долго ли он еще сможет записывать эти тайные знания? Долго ли еще *их* будут терпеть? Он положил перо рядом с чернильницей и посмотрел на последние страницы. Текст на латыни то и дело перемежался рисунками. Обезобразенные лица, руки, зубы —

¹ Благодарю (*лат.*)

все внушало ужас. На этих листах были запечатлены различные стадии заболевания...

Чем ближе к началу, тем менее выраженными становились признаки. Старик задумчиво покачал головой и вновь взялся за перо.

Едва он обмакнул его в чернила, как за массивной дверью что-то прогрехотало.

Рука замерла над чернильницей.

Послышались обрывки брошенных фраз, где-то заплакали женщины и дети. Затем донесся многоголосый рев; с каждой секундой он становился громче.

Этот момент все-таки настал.

Летописец закрыл глаза и тяжело вздохнул. Все оказалось напрасным – сбылись худшие его опасения. Он вернулся к последней странице и поставил дату: *Ноябрь 1647 года от Рождества Христова*. Затем положил перо рядом с горкой из натекшего воска и закрыл книгу в искусном кожаном переплете. Так, как было прежде, уже никогда не будет. Старик это знал.

Послышался грохот шагов, дверь с треском распахнулась.

Порыв холодного воздуха задул все свечи.

ADVENTUS¹



¹Зд.: Преддверие (*лат.*).

ТИРОЛЬ, 1703 ГОД
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА



I

Иоганн Лист повалился лицом в грязь. Из расщепленной брови сочилась кровь, смешиваясь с глинистой водой. В голове пульсировала боль. Происходящее воспринималось словно сквозь плотную пелену: завывающий ненастный ветер, дождь, приближающиеся шаги... Затем все стало расплываться. Иоганн закрыл глаза...

Не позволяй загнать себя в угол.

Иоганн внял своему внутреннему голосу — ибо привык ему доверять — и с трудом перевернулся на спину.

Крестьянин стоял над ним в отсветах молний, едва различимый сквозь стену дождя. Он наклонился ближе, и тогда Иоганн разглядел его лисье лицо. Этот человек приютил его на несколько дней в своем доме, а потом так предательски напал... При мысли об этом Лист исполнился ярости. Он уперся ладонями в грязь и с трудом приподнялся. Крестьянин ухмыльнулся. И на Иоганна обрушился град ударов.

Его окутала тьма...

Крестьянин склонился над своей жертвой и принялся методично обшаривать карманы, при этом то

и дело поглядывая на застывшее лицо, выискивая на нем малейшие признаки жизни. Вдруг он замер — в кармане брюк лежало что-то продолговатое. Это был нож, и не какой-нибудь: серебряные вставки и безупречный клинок говорили о том, что для владельца он значил больше, чем просто инструмент.

— Это я, пожалуй, заберу... — восторженно прошептал крестьянин.

— Не заберешь.

Грабитель повернулся на голос, но было уже поздно. Не успел он опомниться, как Иоганн схватил его за запястье и вывернул руку. Крестьянин вскрикнул от боли и выронил нож в грязь. Лист ударил противника ногой в живот, тот повалился на спину и застонал.

Воспользовавшись передышкой, Иоганн зашарил по грязи в поисках ножа. Вспыхнула молния, и на мгновение стало светло как днем. Он увидел клинок в луже, потянулся и с облегчением взялся за рукоять. В этот момент бок пронзила резкая боль.

Противник вонзил ему в ребра острие деревянных сенных вил.

У Иоганна подогнулись ноги, он снова упал. Когда крестьянин медленно повернул вилы и выдернул их, по всему телу прокатилась волна жгучей боли. Лист всеми силами пытался сохранять сознание — в противном случае его ждала смерть. Во второй раз враг не позволит застать себя врасплох.

Иоганн прижал рукой кровоточащую рану и перевернулся на спину. Крестьянин вырос над ним, сжимая в руках вилы.

— Сопляк, я и не таких удельывал! — прокричал он визгливо и занес вилы, готовясь к решающему удару.

Этого времени оказалось достаточно: Иоганн извернулся, перехватил нож и рассек противнику сухожилие под левым коленом.

Крестьянин замер, на лице его застыло изумление, и было в его облике что-то неуловимо смешное. Нет, все происходило совсем не так, как он рассчитывал. Опустив взгляд, крестьянин в ужасе уставился на свою левую штанину, быстро темнеющую от крови, зашатался, но прежде чем у него подкосились ноги, Иоганн вскочил и схватил его за горло. Крик боли застрял у него в глотке, затем Лист безжалостно отбросил его, так что крестьянин пролетел через двор и ударился спиной о стену.

Он уставился на Иоганна широко раскрытыми глазами. Тот занес нож, готовый нанести смертельный удар.

— Будь милосерден! — всхлипнул грабитель.

Иоганн ударил.

Крестьянин машинально зажмурился.

Потом снова открыл глаза. Нож торчал в стене, рядом с его головой. Крестьянин неуверенно посмотрел на Иоганна.

— Что ты знаешь о милосердии!

Лист рывком выдернул клинок из почерневшего бревна и выпустил противника. Тот сполз по стене и заскулил.

Иоганн спрятал нож обратно в карман и поднял узел со своими пожитками, лежавший в грязи возле дома. Затем зажал ладонью рану на боку и, не удостоив крестьянина взглядом, направился в сторону леса.

* * *

Шторм раскачивал верхушки деревьев. Лес едва ли давал защиту от проливного дождя и промозглого ветра.

Иоганн взбирался по склону, продираясь через замшелый подлесок. Он вымок насквозь и замерз, рубашка и кожаные брюки липли к коже. Кроме того, рана на боку снова стала кровоточить. Заметив это, Иоганн укрылся среди торчащих корней сосны, задрал рубашку и, несмотря на темноту, попытался оценить тяжесть ранения.

Рана оказалась глубокой, но внутренние органы, по всей видимости, остались не задеты. Иоганн вздохнул. Если остановить кровь и держать рану в относительной чистоте, воспаления можно не бояться. Лист знал людей, которые выживали и с худшими увечьями.

Он раскрыл мешок и вынул запасную рубашку. Резким движением оторвал рукава, связал их вместе и обернул вокруг талии. Боль была страшная, но Иоганн стиснул зубы и затянул узел так туго, как только смог.

Когда он уже завязывал мешок, его вдруг посетила тревожная мысль.

Лист торопливо перерыл свои пожитки, но не нашел того, что искал.

Крестьянин выкрал у него кошелек.

Все его жалованье за последнее время, все, что он сэкономил на пропитании, — все пропало. Иоганн почувствовал, как внутри него закипает злоба, и невольно взялся за нож.

Проявляй милосердие, даже к тем, кто его не заслуживает.

Эти лживые заповеди. Вот только бы...

Резкая боль в боку образумила его. В нынешнем состоянии с крестьянином ему не справиться. Но он еще вернется, и уж тогда пусть тот молится Богу...

Иоганн глубоко вдохнул. Его трясло от холода, и только теперь он понял, до чего же устал. Путник огляделся в поисках укрытия, где можно было бы провести ночь. На мгновение молния высветила в темноте очертания поваленного дерева. Лист разостлал хворост, сколько сумел набрать, и забрался под гигантские корни.

И через пару мгновений уснул.

II

Когда Иоганн проснулся, его била дрожь. Стояла ледяная стужа, и пар изо рта, казалось, замерзал в воздухе. Хворост не помог уберечься от первых в этом году заморозков. Холод пробирал до костей, и промокшая одежда липла к телу.

Иоганн огляделся, пытаясь сориентироваться, но спросонья не смог ничего различить. Он потер глаза и, проснувшись уже окончательно, понял, в чем дело. Все вокруг заволочло густым туманом, и дальше нескольких шагов сложно было что-либо разглядеть.

Зима стояла у порога.

Времени оставалось совсем мало. Иоганн осторожно потянулся, после чего осмотрел рану. По-